

ЛИРИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О СВОЕОБРАЗИИ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Шуликова А. С.
Витебск, Республика Беларусь
ВГУ имени П. М. Машерова

Аннотация. В статье анализируется одно из лирических стихотворений Су Ши как источник культурной информации о традиционном мировосприятии Китая на материале стихотворения «缺月挂疏桐...» и его русского перевода. Рассматриваются ключевые природные и символические образы, выявляются особенности передачи культурных смыслов и трансформации образной системы при переводе. Показано, что поэзия Су Ши обладает значительным культурно- и методически-ориентированным потенциалом для формирования межкультурной компетенции.

Ключевые слова: Су Ши, китайская лирика, лингвокультурология, природные образы, символика, перевод, межкультурная компетенция.

Лирическое творчество китайских поэтов традиционно является важнейшим источником сведений о своеобразии культуры Китая, поскольку в поэтическом тексте концентрируются философские, эстетические и мировоззренческие установки национальной традиции. В рамках лингвокультурологического подхода особую значимость приобретает анализ природных образов как носителей культурной информации, отражающих специфику взаимодействия человека и мира в том или ином национально-культурном контексте. В этом отношении поэзия Су Ши представляет собой материал, позволяющий выявить глубинные механизмы концептуализации действительности через художественное слово.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции аутентичных художественных текстов в преподавание китайского языка с целью формирования межкультурной компетенции обучающихся. Лирика Су Ши, обладая высокой степенью культурной насыщенности и образной выразительности, представляет собой продуктивный материал для анализа культурных смыслов, зафиксированных в языке.

Цель настоящего исследования – выявление культурно-информативного потенциала лирики Су Ши и обоснование её использования в качестве методического материала на основе анализа конкретного поэтического текста.

Материалом исследования в данном случае является лирическое стихотворение Су Ши, «缺月挂疏桐...», а также его русский перевод, выполненный М.И. Басмановым, что позволяет рассмотреть особенности передачи культурно обусловленных образов в межкультурном пространстве. В процессе анализа привлекались данные лексикографических источников, в частности, китайско-русских словарей, позволяющие уточнить семантику ключевых лексем; словарей символов, необходимых для интерпретации культурных коннотаций образов; а также исследования по китайской классической поэзии и поэтике эпохи Сун, ориентированные на выявление традиционных мотивов и устойчивых образных моделей.

В работе использованы **методы** сопоставительного анализа, лингвостилистического анализа, а также элементы лингвокультурологического анализа, направленные на выявление семантики образов и их культурной обусловленности.

缺月挂疏桐，
Убывающая луна висит на редкой павловнии
(дерево)
漏断人初静。
Капли (в часах) прекращаются, люди только
что утихли
时见幽人独往来，
Иногда виден уединённый человек, одинокий
в своём хождении
缥缈孤鸿影。
Тонкий, неясный силуэт одинокого гуся

Ущербный месяц. Редкие утуны.
Часы звенеть капелью перестали.
Все спит. Лишь кто-то,
Погруженный в думы,
Бредет один
Видением угрюмым,
Как лебедь,
Оторвавшийся от стаи.
Вдруг встрепенулся, повернулся круто,
Во взоре скорбь, но кто про это знает!
Все ветви перебрал,
Но почему-то

惊起却回头,
Внезапно поднимается, но оборачивается
有恨无人省。
Есть обида, но никто не замечает
拣尽寒枝不肯栖,
Перебрав все холодные ветки, не хочет на
них сидеть
寂寞沙洲冷 [1].
Одинокая песчаная отмель холодна

Нигде
Не отыскал себе приюта...
Студеная Уцзян.
И клен листву роняет [2, с. 210].

Уже в начальных строках приведённого лирического текста фиксируются важные элементы китайской культурной традиции – в частности, образ луны, являющийся одним из ключевых символов китайской поэзии, который связывается с разлукой, памятью, цикличностью времени и философским созерцанием [3, с. 115]. В данном контексте эпитет 缺 ('ущербная', 'убывающая') усиливает семантику неполноты и утраты, что придаёт изображаемой картине дополнительную эмоциональную глубину [4, с. 873]. Означенные особенности образа, функционирующего в оригинале стихотворения, частично отражаются и в переводе: в русском варианте (*Ущербный месяц. Редкие утунь*) сохраняется предметная основа образов, однако эмоционально-символическая насыщенность лексем оригинала частично нивелируется за счёт более описательного характера перевода.

Не менее значимым в данном фрагменте является образ 疏桐 (редкая павловния), который в китайской культурной традиции ассоциируется с уединением, тишиной и утончённой эстетикой [4, с. 943]. Павловния традиционно связана с пространством ученого-отшельника, что усиливает мотив внутренней сосредоточенности и гармонии с природой. Таким образом, уже в начальных строках стихотворения проявляется важная особенность китайской поэзии – способность через лаконичные природные образы передавать сложные культурно-философские и эмоциональные смыслы.

Упоминание водяных часов (漏断) вводит в текст элементы материальной культуры и одновременно формирует особое восприятие времени [4, с. 943], которое в китайской традиции время мыслится не столько как линейная величина, сколько как ритмический процесс, связанный с природными циклами [5, с. 267]. Прекращение движения *капель* символизирует остановку внешнего движения и переход к внутреннему, созерцательному состоянию человека, что позволяет рассматривать данный фрагмент как отражение специфического китайского понимания времени и покоя. Данные особенности сохраняются и в переводе, где фраза *часы звенеть каплей перестали* усиливает звуковую конкретизацию образа, однако смещает акцент с философского восприятия времени на его более бытовое, сенсорное восприятие, характерное для описательной манеры русского перевода.

Дальнейшее развитие текста актуализирует образ 幽人 – уединённого человека [4, с. 783], связанный в китайской культурной с идеалом отшельничества, который восходит к даосской и буддийской философии [6, с. 274].

В различных культурных традициях семантика одиночества варьируется: в китайской поэтической традиции оно может осмысливаться как состояние духовной сосредоточенности и внутренней автономии, связанное с практикой самоуглубления и стремлением к гармонизации внутреннего мира. В этом смысле образ 幽人 отражает культурную модель поведения, ориентированную на отстранение от внешней суеты и обращение к внутреннему созерцанию. В русском переводе данный образ конкретизируется через описание-характеристику *погруженный в думы, бредет один*, что усиливает психологическую интерпретацию состояния и делает его более эксплицитным для восприятия, тогда как в оригинале сохраняется более обобщённый и культурно типизированный характер образа.

Особую смысловую нагрузку несёт образ 孤鸿 ('одинокий гусь'), который функционирует как сложный культурный знак. В традиционной китайской символике гусь ассоциируется с верностью, устойчивыми связями и брачной гармонией, однако в данном контексте происходит переосмысление символа: добавление компонента «孤» трансформирует его значение в сторону одиночества и разобщённости [5, с. 327]. В строке создаётся эффект размытости и неустойчивости, что усиливает ощущение хрупкости существования. В русском переводе данный образ претерпевает трансформацию: образ *гуся* заменяется образом *лебедя, оторвавшегося от стаи*, что свидетельствует о попытке адаптации культурного символа к восприятию русскоязычного читателя, так как образ гуся в китайской традиции обладает устойчивыми культурными коннотаци-

ями (верность, брачная гармония), которые не являются очевидными для носителя иной культуры [5, с. 279]. Введение же образа лебедя, более привычного для европейской символической системы и также ассоциирующегося с одиночеством и разлукой, для инокультурного (русскоязычного) читателя делает смысл более доступным и интерпретируемым без привлечения дополнительного культурного контекста. Таким образом, в переводе культурный символ не только заменяется, но и предстаёт с перераспределённой смысловой нагрузкой, что, с нашей точки зрения, делает текст более ориентированным на эмоциональное восприятие.

В последующих строках внимание привлекает слово 恨, которое переводится как 'ненавидеть; сожалеть; испытывать досаду, горечь; чувство неудовлетворённости, обиды' [4, с. 706]. В китайском языке оно характеризуется более широким спектром значений по сравнению с русским соответствием, объединяя как направленную эмоцию, так и внутреннее переживание. В поэтическом контексте это позволяет интерпретировать образ, обозначенный 恨, как сложное эмоциональное состояние, включающее тоску и чувство несбывшегося, что подчёркивает специфику эмоциональной картины мира в китайской поэзии, передающей переживания не напрямую, а через систему намёков и ассоциаций.

В финальных строках стихотворения заключена кульминация смыслового развития текста. Образ 寒枝 ('холодные, зябкие' ветви) символизирует неблагоприятную, «чуждую» среду, а выражение 不肯栖 ('не желает садиться', 'не хочет находить приют') может интерпретироваться как отражение внутренней позиции субъекта, не принимающего окружающую действительность [4, с. 758; с. 425]. Выражение 寂寞 ('одиноким; испытывающий одиночество, пустоту') относится к сфере человеческих переживаний [4, с. 460]; его сочетание с неодушевлённым природным объектом «沙洲» («песчаная отмель; речной или прибрежный нанос») свидетельствует о переносе эмоционального состояния субъекта на пространство [4, с. 721]. В результате пейзаж перестаёт быть нейтральным описанием окружающей среды и начинает восприниматься через призму субъективного переживания, отражая не столько объективные свойства пространства, сколько внутреннее состояние лирического героя. Элемент текста 冷 ('холодный'; в переносном значении – номинация холодности, отчуждённости в человеческих отношениях) усиливает экспрессию при обозначении как физического, так и эмоционального состояния человека, формируя образ внутренней опустошённости [4, с. 374]. Таким образом, пространство в стихотворении становится носителем эмоционального состояния, что является характерной чертой китайского поэтического мышления; в переводе же образность данного фрагмента расширена – за счёт перераспределения и частичного дробления концентрированного символического поля оригинального текста на ряд более развёрнутых эмоционально-описательных сцен.

С методической точки зрения, проанализированному тексту присуща довольно высокая ценность, поскольку с этим материалом возможно работать в нескольких аспектах. Во-первых, он способствует формированию лексической компетенции через анализ многозначной и культурно маркированной лексики (恨, 幽人, 孤鸿). Во-вторых – расширяет лингвострановедческие знания, связанные с традиционными реалиями китайской культуры (водяные часы, символика луны, образ павловнии). В-третьих – развивает навыки интерпретации художественного текста за счёт обращения к культурному контексту и имплицитным смыслам.

Проведённые наблюдения позволяют сформулировать следующие выводы.

Лирика Су Ши является значимым источником культурной информации, поскольку в ней в словесно-художественной форме концентрируются ключевые элементы китайского мировосприятия, включая представления о времени, природе и внутреннем состоянии человека. В результате фигурирующие в лирическом тексте природные образы не только выполняют «декоративную» (образно конкретизирующую) функцию, но и являются носителями философских и культурных смыслов.

Во-вторых, семантика ключевых образов (луна, павловния, уединённый человек, одинокий гусь) с устойчивой символикой в китайской культуре соотнесена с определёнными мировоззренческими установками (созерцательность, отшельничество, гармония с природой, переживание разлуки и одиночества).

Сопоставление оригинального произведения и его перевода на русский язык показывает, что переводческие трансформации (в частности, замена образа 孤鸿 на образ лебедя) направлены на адаптацию текста к восприятию иного культурного адресата, что сопровождается и частичной утратой исходных культурных коннотаций: в оригинальном тексте доминирует принцип семантической

сжатости и имплицитности, при котором сложные эмоциональные состояния передаются через систему намёков и ассоциаций, тогда как в переводе наблюдается тенденция к экспликации.

Таким образом, лирическое творчество Су Ши может рассматриваться как весьма «выгодный», продуктивный материал для эффективной интеграции языкового и культурного компонентов обучения и для развития аналитических и интерпретационных навыков при изучении китайского языка.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской темы БелИСА «Гуманитарные науки как фактор сохранения и укрепления ценностного суверенитета белорусского государства» (№ гос. регистрации: 20260078 от 18.02.2026).

Список литературы

- 1 Китайская поэзия : электронная библиотека / [сайт] [Электронный ресурс]. – М., 2000– . – Режим доступа : https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&author_id=20. – Дата доступа : 01.04.2026.
- 2 Печали и радости. Двенадцать поэтов эпохи Сун / пер. с кит., сост. Е. А. Серебряков, Г. Б. Ярославцев. – Москва: Издательский дом «Летопись-М», 2000. – 495 с.
- 3 Трессидер, Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
- 4 Современный китайско-русский словарь / под ред. Юй Чунчи. – Пекин : Институт иностранных языков, 2002. – 1104 с.
- 5 Керлотт, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлотт. – М. : REFL-book, 1994. – 608 с.
- 6 Алексеев, В. М. Труды по китайской литературе : в 2 кн. / В. М. Алексеев. – М. : Восточная литература, 2002. – Кн. 1. – 574 с.

THE LYRIC POETRY OF CHINESE POETS AS A SOURCE OF INFORMATION ON THE SPECIFICITY OF CHINESE CULTURE

*Shulikova A. S.
Vitebsk, Republic of Belarus
VSU named after P. M. Masharov*

Abstract. *The article analyzes one of the lyrical works of Su Shi as a source of cultural information about the traditional worldview of China, based on the poem “缺月挂疏桐...” and its Russian translation. Key natural and symbolic images are examined, along with the specific features of conveying cultural meanings and transformations of the imagery system in translation. It is shown that Su Shi's poetry has significant cultural and methodological potential for developing intercultural competence.*

Keywords: *Su Shi, Chinese lyric poetry, linguoculturology, natural imagery, symbolism, translation, intercultural competence.*

УДК 378.147:811.111

ОТ ДИАГНОСТИКИ НУЖД К ПОДДЕРЖКЕ: СТУДЕНТОЦЕНТРИЧНЫЙ ЕМІ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

*Шумбасова С. С., Рыбакова А. С.
Коломна, Российская Федерация, ГСГУ*

Аннотация. *Переход к студентоцентрированному подходу в ЕМІ снижает языковую нагрузку и повышает усвоение содержания. Предложена стратегия: адаптация материалов (глоссарии, graphic organizers), институциональные сервисы (тьюторские центры, ЕМІ-центры), методические памятки. Конструктивизм повышает мотивацию. Синтез диагностики и персонализированной среды – ключ к эффективности.*

Ключевые слова: *ЕМІ; студентоцентрированное обучение; диагностика потребностей; конструктивизм; педагогический дизайн.*

Интернационализация вузов по всему миру активно продвигает программы *English as a Medium of Instruction* (ЕМІ) – то есть преподавание предметов на английском в неанглоязычной среде. В России доля таких магистерских программ уже превышает 10%, чему способствуют инициативы вроде *Erasmus+*.

Но на практике ЕМІ сталкивается с серьезными трудностями. Преподаватели-предметники – отличные эксперты по физике, экономике или праву – часто не готовы к лингводидактике и не знают реального уровня английского у студентов. А те, в свою очередь, перегружены: сложный